

*Алексей
Кабанцов*

Доказательство

жизни

Алексей Геннадьевич Кабанцов

Доказательство жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21234017

ISBN 9785448300639

Аннотация

Доказательство жизни – это не только биение пульса, но и биение мысли, рождающей то, что делает человека уникальным: способность творить.

Содержание

«Память – не только громада архива...»	7
«Ангел скорбный, пролетая...»	8
«Друзья уходят тихо, по-английски...»	9
«Моя осень одета в пурпур и багрянец...»	10
«Мы сумели узнать, какова скорость света...»	11
«Уходят в путь последний капитаны...»	12
«Так трепетно горели три свечи...»	13
«Я, заложник ночей и сумятицы чувств...»	14
«Укрытый снегом, город на ветру дрожит...»	15
«Падали звезды, нелепо махали руками, крылами...»	16
«Пусто, холодно и страшно —...»	17
Письмо в провинцию	18
«Злая ночь, осеннее ненастье...»	21
«Я один в этом городе дивных ночей...»	23
«В это утро – седое, косматое —...»	25
«Щиплет памяти моей кобыла...»	26
«Тёмное время и тени пугаются...»	28
«Старикам хочется тепла и ласки...»	29
«Я иду по дороге – дорога из льда...»	30
«Быть проще: не жонглировать словами...»	32
«Зачем взлетать и города мерцающую кляксу видеть...»	33

«Разбилась жизнь на кадры и сюжеты...»	35
«Я ловлю снежинки руками...»	37
«Моя звезда, на сфере небосклона...»	38
«Проходят дни, седеют годы...»	39
«Город пишет свой полуденный романс...»	41
«Как страшно быть и не тужить...»	43
По ту сторону снов	45
«Есть предельная масса несказанных слов...»	50
«Высыхает Эвксинский Понт...»	51
«Вдруг стало меньше слов и света...»	52
«Полночный шорох во дворах...»	53
«Страшно, когда в доме кончились свечи...»	54
«Погрузи меня в эту ночь...»	55
«Десять тысяч шагов...»	56
«Вплавляет в лёд отмерший эпителий...»	57
«Это грустно, порой невыносимо —...»	58
«Город небо пронзает башнями...»	59
«Где-то плачет скорбная виола...»	61
«Стеклянные мосты пугают пешехода...»	63
«Все так сложно и просто привычно...»	65
Папа	66
«Недолюбившие друг друга дети и отцы...»	67
«Я, как флюгер на Памире...»	69
«Ниже неба в шляпах головы...»	70
«Адреналин пузырьками под кожей —...»	71
«Я не чувствовал рук, я не чувствовал ног...»	72

«Громче нет иногда шёпота...»

73

Конец ознакомительного фрагмента.

74

Доказательство жизни

Алексей Геннадьевич

Кабанцов

С любовью моей жене и дочери

© Алексей Геннадьевич Кабанцов, 2016

© Алексей Геннадьевич Кабанцов, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Память – не только громада архива...»

Память – не только громада архива
с рапортами, доносами, сводками,
но и неровные, нервные, невыносимо
верные строки, порою залитые водкой,
зачитанные друзьями, врагами вдрызг,
пробитые, как пулями иной партбилет,
очередями неистовых сигаретных искр,
оседающих пеплом на белесый рассвет.

«Ангел скорбный, пролетая...»

Ангел скорбный, пролетая
над притихшею землёй,
сыпал снег, с руки сдувая,
на солдат безмолвный строй.
И вчерашние мальчишки,
как один, подняв глаза,
сердце тешили затишьем,
захватившим небеса.
Падал снег, уже не тая,
не на лица – образа
тех, кто души отпуская,
позабыл прикрыть глаза.
А внизу, на белой тверди,
на груди родной земли,
тихим сном уснули дети,
что вернуться не смогли.

«Друзья уходят тихо, по-английски...»

Друзья уходят тихо, по-английски,
холодными руками затворяя двери,
и ставят галочки в графе «потери»
приколотых к душе прощальных списках.
Нам в осень проще расставанье.
Быть может, нам она дана как Божий дар?
С утратой примиряет лиственный пожар,
и клики журавлей – как новой встречи обещанье.
Как ветрено. Почти безлюдно на аллеях.
Шуршат опавшею листвой сторожкие шаги.
Они уносят вдаль всех тех, кто не сумели
простить, друг другу отпустив грехи.
Так хочется мечтать и свято верить,
что где-то там, где вечная весна,
нас встретят те, кто был навек потерян
и вечно с нами был в тревожных снах.

«Моя осень одета в пурпур и багрянец...»

Моя осень одета в пурпур и багрянец,
говорит языком улетающих птиц,
приглашает листву на изысканный танец,
паутинкой летящей касается лиц.

Моя осень живет ожиданием метелей,
забавляясь, скрипит полотнищем ворот,
сплетни шепчет о том, как склонивши колени,
месяц воду студеную с ивами пьёт.

Моя осень прозрачна, тиха и печальна,
с материнской заботой укутает в плед,
в тёплом свете свечном мне поведаёт тайну —
ненаписанной книги волшебный сюжет.

«Мы сумели узнать, какова скорость света...»

Мы сумели узнать, какова скорость света.
Нет ответа на то, есть ли скорость у тьмы —
перекрестья двух линий на жизни поэта
в равнодушном потоке мирской кутерьмы.
Мы без трепета множим караты на тонны,
но не ведаем массы, сокрытой в нуле.
Может в страхе она, когда ночью бездонной
ты бежишь от себя по дорожной петле?
Мы умеем отсчитывать мили на местности,
ограничивать путь от земли до небес,
но не знаем, как близко от злобы до нежности,
далеко ли от ангела прячется бес?
Мы, слагая года, ограничились в вечности,
без сомнений решив: за чертой – пустота.
Но боится увидеть себя в бесконечности
вдруг прозревшая наша с тобой слепота.

«Уходят в путь последний капитаны...»

Уходят в путь последний капитаны,
уходят в вечность золотые корабли.
Они несут в ладонях невские туманы
с фигуркой скорбной Гоголя вдали.
В их трюмах не найти серебряные слитки —
от тьмы и сумрачных теней на берегу
они увозят мудрость, скатанную в свитки,
что тайны слов безмолвно стерегут.
И берег опустевший не услышит Баха,
не примет яд насмешливый Сократ,
не будет плакать снова Андромаха,
не ступит в лунный свет с Иешуа Пилат.
Уходят капитаны с горечью потери
в последний путь – навеки, навсегда —
и затворяют в небесах лазоревые двери
в черте, где с солнцем сочетается вода.

«Так трепетно горели три свечи...»

Так трепетно горели три свечи,
бросая вызов звёздам и кометам,
слезами посвящая нас в ночи
в мир тайных знаков и приметы.
Три светоча над бездною миров
стирали время и пространство,
а лунный свет колодцами дворов
делился с вечным постоянством.
Касались руки, слов металась тень,
сгорала на костре свечей любовь,
по милости извечной провиденья
из пепла возрождаясь вновь и вновь.
Так трепетно в ночи мерцали свечи,
затмив собою звёзд далёкий свет,
и две души в холодный зимний вечер
в их пламени встречались тет-а-тет.

«Я, заложник ночей и сумятицы чувств...»

Я, заложник ночей и сумятицы чувств,
нос расплющив об окон витрину,
в отраженье своё равнодушно смотрюсь,
выгибаю, как кошка, бессонную спину.
Пропускаю слова через ситечко слуха,
зёрна смысла сажаю на памяти грядку,
одуревшей от солнца весеннею мухой
бьюсь в стекло февраля, нарушая порядки.
С чёрной клетки на белую бравую пешкой
день за днём я шагаю дорогой своей
и беспмятство снов разбавляю пробежкой
по просторам бескрайним житейских полей.
Разрешаясь от бремени каплями мыслей,
осаждаю на лист их словесную взвесь,
пустоту наполняю различными смыслами
в оправданье тому, что на свете я есть.

«Укрытый снегом, город на ветру дрожит...»

Укрытый снегом, город на ветру дрожит,
и фонари глазают в небо с тусклым вызовом.
Прохожий, погруженный в воротник, спешит,
тоскуя по теплу и стопке огненной анисовой.
Бездомный пёс бредёт с отчаяньем в глазах,
пытаясь отыскать кусок земли посуше,
трясёт лохматой головой, забыв и стыд, и страх,
заглядывает молча торопливым людям в душу.
Безглазо смотрят с постаментов львы,
под снежной шалью грея каменные спины.
С улыбкой неземной, не поднимая головы,
в витрине мёрзнет восковая балерина.

«Падали звезды, нелепо махали руками, крылами...»

Падали звезды, нелепо махали руками, крылами.
Или что там у них для полётов над облаками?
Одни, умирая, излились потоками вечного света,
остались словами, горящими, словно ночная комета.
Другие, ко тьме тяготея, гасили огонь сокровенный,
легли западнями на пыльных дорогах вселенной,
мир скомкав окрест, провалили вовнутрь себя,
уже ничего, кроме стука холодных сердец, не любя.
Падали звезды, привычно, в пространстве и времени,
частицами света и тьмы разрешаясь от бремени.
Жить не боялись, любили и верили в вечность.
Очень по-разному видели путь в бесконечность.

«Пусто, холодно и страшно —...»

Пусто, холодно и страшно —
вдруг закончатся слова
описать, как день вчерашний
в полночь унесла сова.
Как под ивами, на речке,
вскрыв заветные лари,
месяц юный плёл уздечки
алой коннице зари.
Как сказать, что снится чайке,
задремавшей на волне:
серебристых рыбок стайка
или сокол в вышине?
Пусто, холодно и страшно,
если кончились слова,
позабылся день вчерашний
новый день покрыла мгла.

Письмо в провинцию

Посылаю тебе, Постум, эти книги. Что в столице? Мягко стелют? Спать не жёстко?

Как там Цезарь? Чем он занят? Все интриги? Все интриги, вероятно, да обзорство.

Я сижу в своём саду, горит светильник. Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых. Вместо слабых мира этого и сильных

лишь согласное гуденье насекомых

И. Бродский «Письма римскому другу»

Что ты, милый, что ты! Беспокоиться не стоит —
ну какие нынче в Риме книги?

Здесь, как и всегда, в почёте быстрый бег квадриги,
и на рынке раб дешевле мудрых свитков стоит.

Что наш Цезарь? Он, подобно солнцу, согревает
массу всех, кто не отбрасывает тени,
в пепел превращая лишь безумца, что надменно
повышает
голос, словно лицедей на ярмарочной сцене.

Здесь оставлены давно интриги – нам дороже дом,
объятия супруги, всей политики и вожделий трона.
Все враги отправились на лодке Ахерона
в те места, где царство тьмы и призраков унылый стон.

Такие вот дела: с утра кого-нибудь казним,
клянём с трибуны мерзости далёких дикарей,
что не желают головы склонить пред Ним,
и наблюдаем шествия поверженных царей.

Так славен тихий твой уют, отсутствие известных сил,
но ты, увлёкшись стройным гулом насекомых,
наверняка не слышал от соседей и знакомых,
что наш владыка им кусаться запретил.

Говоришь, что скрылся навсегда от Цезаря и выюги?
Я скажу тебе, мой друг, с которым я давно в разлуке:
пусть милее наших кровопийц твои далёкие ворюги,
он и через них на недовольных налагает свои руки.

Нет ни правил, ни законов, если ты в венце родился.
Между девкой с Эсквилина или чьим-то колесничим
для таких, как он, не видимы различья.
Смотришь, бросил взгляд косой, а кто-то отравился.

Впрочем, что лукавить и вести пустые речи —
и тебе, мой друг, имперская известна непогода:
злые ветры, сквозняки в любое время года,
да холодные дожди, особенно под вечер.

Я был бы рад смотреть в бездонный купол неба
и терпкое потягивать вино. Но видно не судьба
с тобой при встрече преломить ковригу хлеба —

труслив, и тороплюсь, и милости ищущу у царского раба.

Добрый друг, ты слишком мрачно смотришь, полно
сокрушаться о неведомой тебе кончине.

Счастлив будь, смотря, как ветер гонит волны,
а сестерции отдай гетерам – им и плакать о тебе по чину.

Но что это за шум и факелы среди безлунной ночи,
и бряцанье доспехов у моих ворот. С какою злобной
целью?

Как быстро мои мысли до божественного уха долетели!
Прощай, прощай... Что день грядущий мне пророчит?

Солнца луч протиснулся сквозь тучи ловко,
отражаясь в лужах, что оставил ливень.

Голосит на рынке толстая торговка.

Залетела ласточка в пустой триклиний.

«Злая ночь, осеннее ненастье...»

Злая ночь, осеннее ненастье.
Путник одинокий на дороге.
Небо молния дробит на части.
В шаль закутана фигура на пороге.

Молча манит крыльями-руками,
в доме темном зажигает свечи,
ходит невесомыми шагами,
в танце странном оголяет плечи.

Глаз бездонных черный омут.
Влажных губ призывная улыбка.
Под окном тоскливо вязы стонут.
Взрагивают тени в свете зыбком.

Выливала воду через руку,
свет луны ладонями черпала,
напевала древняя старуха,
рожь волос серпом срезала.

Против солнца кружит ветер,
перья с прядями мешает.
Гаснут свечи, кончен вечер —
в ночь из дома ворон вылетает.

Карра! – слышится над лесом, —
будет воздаяние колдунье,
свою душу подарившей бесам
злости дикой, ревности безумной.

Вороны кружат, сулят ненастье.
Дева юная застыла на пороге.
Провожает в небо своё счастье.
Снова путник запоздалый на дороге.

«Я один в этом городе дивных ночей...»

Я один в этом городе дивных ночей,
площадей и холодного ветра.
Я сегодня никто, я сегодня ничей —
призрак в шляпе из белого фетра.

Серым волком глядела на берег река
и волну изгибала недужною дрожью.
Пес приبلудный нос тыкал в рукав,
позабыв про свою осторожность.

Проплывали фасады, колонны и арки,
пропадая в туманной промозглой дали.
Мерзли статуи в старом заброшенном парке
и надмирно мне пели с небес журавли.

Рвали камень ноздрей непокорные кони,
пустота площадей навевала печаль.
На изъеденном солью и ветром балконе
развевалась, как знамя, ажурная шаль...

Я покинул тот город бессонных ночей,
площадей и безумного ветра.
Я вчера был никто, я вчера был ничей —

призрак в шляпе из белого фетра.

«В это утро – седое, косматое —...»

В это утро – седое, косматое —
на простуженном горле зари
облака мягкой белой ватой
уложили с заботой Святые Цари.

Их короны отлиты из чистого света
и шаги, как дыханье ребенка, легки.
В их улыбках – рождение рассвета,
а глаза, как небесная синь, глубоки.

Замолкает навеки лукавое пение,
стоит дверь приоткрыть и принять
их, одетых в плащи из терпения,
приходящих к порогу опять и опять.

Нам из вечности вышнего мира,
освящая мятущихся душ алтари,
вновь несут благовонное миро
на открытых ладонях Святые Цари.

«Щиплет памяти моей кобыла...»

Щиплет памяти моей кобыла
сладкий стебель ковыля.
На жаре июльской позабыла,
бедная, о смысле бытия.

Всё, что было, не догонишь,
сколько вспять галопом не скачи.
Жизнь идёт, всего не вспомнишь,
что склевали времени грачи.

Может быть, так было нужно,
чтобы лето горячило кровь,
забывала память о ненужном,
и была сладка созревшая любовь?

Пусть сегодня зерна умирают
в ниве тучной летних дней
и наутро снова прорастают
на широком поле памяти моей.

Ну а после – осень, листопад:
вместе будем, осень, плакать
по упавшим невпопад
листьям в ледяную слякоть.

Будем утром ранним провожать
журавлей звенящих в хмурость неба,
бабьим летом паутинкою дрожать
меж снопами собранного хлеба.

«Тёмное время и тени пугаются...»

Тёмное время и тени пугаются
ругутного света хромых фонарей.
В темное время людям встречаются
призраки канувших в прошлое дней.

Время дрожит, как лунатик, качается,
стынет хрустальными иглами льда.
Струйка песка всё никак не кончается,
из ниоткуда течёт в никуда.

Тёмное время и души, как струны,
в мире ином пребывая, звенят.
Волны играют с лунными рунами,
зыбкие сны из тумана творят.

Странные образы в сумерках утренних
тают, увидев хранителей снов.
В сполохах света небесной заутрени
плавятся цепи полночных оков.

«Старикам хочется тепла и ласки...»

Старикам хочется тепла и ласки,
вопреки советам – послаще чая.
Старикам нужно читать нам сказки,
чтобы рядом мы их замечали.

Старики живут в поисках солнца, не лени,
и лучи его сквозь себя пропускают,
нам пытаются меньше оставить тени,
наших душ темноту освещая.

Старики видят нити, что с неба
паутинками к ним свисают.
Им, как птицам, довольно кусочка хлеба,
и как птицы легко, они прочь улетают.

«Я иду по дороге – дорога из льда...»

Я иду по дороге – дорога из льда.
Под моими ногами застыла вода.
Босиком по дороге несложно идти —
угли щедро рассыпал, кто шел впереди.

Танец странный: шаг в пламя, шаг в лед.
Оглянулся назад – вереницей народ
тот же танец танцует при полной луне,
провалившись в себя и забыв обо мне.

За прозрачные веки их спрятался взгляд,
их замерзшие губы мне шепчут: «Назад...
Впереди только завтра, позади лишь вчера.
Только тех, кто стоит, обтекают ветра.

Их замерзшее время уже не спешит
и застывшая кровь никуда не бежит.
Только тем, кто стоит, не в тягость покой.
Отдохни, не спеши... Ну постой же, постой...»

Я иду по дороге несбывшихся снов,
потерявших мысли и глупых стихов,
по дороге из самого чистого льда,

где сомнения – угли, поступки – вода.

«Быть проще: не жонглировать словами...»

Быть проще: не жонглировать словами,
не вспоминать весь день обрывки снов
и не искать святых венцов над головами,
не видеть в облаках крылатых скакунов...
Не забывать, что цыпочки – не лучшая опора
и пряник так же нужен, как и плеть,
а надпись краткая в периметре забора
искусство тоже, если правильно смотреть.
Беречь хрустальную прозрачность
немногих свыше обретенных слов.
Усердно шлифовать сугубую невзрачность
обычных дней, обыденных оков.

«Зачем взлетать и города мерцающую кляксу видеть...»

Зачем взлетать и города мерцающую кляксу видеть
от гор отрогов и до выжженной безжалостно степи?
Чтобы любить его, а может быть, и тихо ненавидеть,
достаточно по улицам его, не торопясь, пройти.

Идти в тоскливое безлюдье летних площадей.
Смотреть в сапфировую пропасть утреннего неба
и замечать, как вдруг не стало скверов и аллей,
в которых стаи голубей слетаются на крошево из хлеба.

Исчезли псов бродячих шумные отряды.
На смену им ленивые и сонные коты
пришли хранить садов твоих чугунные ограды,
развесив вольно на скамейках лапы и хвосты.

Увидеть, как фальшивая помпезность новостроек
сменяет в одночасье тот, неповторимый, мир
клеймёных кирпичей и арок, эркеров, пристроек,
где смотрит исподлбья Бенуа на сталинский ампир.

Услышать, что как прежде, с минаретов муэдзины
зовут на встречу с Богом желчных стариков,
несущих время на своих согнутых спинах

в неспешном шарканье истершихся подков.

Понять – сакральность не в двенадцати вратах,
что с тяжким скрипом отворяясь, пропускали люд,
а в ласточках, что их тревожа прах,
над канувшими в вечность гнездами снуют.

Проститься и простить. Оставить право помнить
слова, людей, названья улиц, скверов, площадей.
Не замечать зеркальных глаз безликих комнат,
идя на встречу с городом своим изгибами аллей.

«Разбилась жизнь на кадры и сюжеты...»

Разбилась жизнь на кадры и сюжеты.
Мелькали встречи, обещанья, миражи.
Чужих эмоций мы ловили рикошеты,
пытаясь правду отличить от лжи.

Цвели акации и заплетали косы ивы,
подъезды покрывали формулы любви,
и ночью небо наполняли гулом ИЛ-ы,
неся за реку в своих недрах шурави.

Глушили гимн квадраты рок-н-ролла,
тянули руки в первых классах малыши.
Нас самиздат дразнил доступностью крамолы,
и участковый морщил нос на запах ананши.

Нас летними ночами перекрестки
манили мерить город до зари
и освещали одиночества подмостки
вдоль улиц равнодушно фонари.

Сложились, как смогли, цветные витражи
судьбы, скрепленные улыбками, слезами.
Они и по сей день над пропастью во ржи

стоят, нащупав край нетвердыми ногами.

«Я ловлю снежинки руками...»

Я ловлю снежинки руками
и сквозь пальцы стекает тайна,
нам рассказанная облаками.
Как всегда невзначай – случайно.

Я пытаюсь поймать губами
хоть одну из пушистой стаи,
но они, обернувшись слезами,
от меня ускользают и тают.

Я для них зажигаю свечи
и как птица, машу рукавами.
Я хочу ими быть замечен,
разбиваясь о скользкие камни.
Превратившись в холодную статую,
слышал я, как снежинки, летящие вниз,
все шептали, что мы вечно падаем,
а они, оттолкнувшись, уносятся ввысь.

«Моя звезда, на сфере небосклона...»

Моя звезда, на сфере небосклона
тебя не видно, не найти,
под сенью альфы Ориона
твои неведомы пути.

Тебе не привыкать стучаться в двери
и в феврале от стужи стеклеть,
и видеть сны, в которых золотые звери
идут в грозу на радуго смотреть.

Твои мечты под тихий шум прибоя
стоят на берегу и терпеливо ждут,
когда молочных лошадей в ночное
ветра вечернею зарёю поведут.

Ты словно путник, краем поля
бредешь потерянно в безмолвии ночи.
Храни тебя от зла благая воля
и истинной любви прекрасные лучи.

«Проходят дни, седеют годы...»

Проходят дни, седеют годы.
В стекле и дыме тонут города.
Непостоянство ветреной погоды
нас раздражает, как всегда.

Привычка вечно раздражаться
на толчею, на суетность вещей и слов,
не позволяет долго удивляться
смещению акцентов и основ.

Мне дела нет, какая устремленность
толкает шпили башен в небеса.
Нужда, нажива, перенаселенность
творят злодейства или чудеса.

Я вижу дом. Уютный старый дом.
Пристанище, убежище, приют...
Он смутно знает, что оставлен и о том,
что поутру его, наверное, убьют.

Всю ночь он хлопал ставнями, не спал,
смотрел пустыми окнами на сад,
где ветер на качелях сам себя качал.
Послушал тишину уснувших автострад...

Под утро дом тревожно задремал.
Он спал и видел новогодний сон,
в котором он семью свою встречал
под бой курантов и бокалов звон.

Он спал и улыбался городу людей,
прощаясь и простив ему неумолимость.
Так старики прощают неразумие детей.
надеясь в будущем на доброту и милость.

Проулками, где все привычно и знакомо,
к вечерней трапезе приплёлся старый пес
и, замерев, смотрел, как тает призрак дома
В периметре из слов: «Do not across!»...

«Город пишет свой полуденный романс...»

Город пишет свой полуденный романс
копотью на стенах и на стёклах,
и дождем, дающим всем последний шанс
разглядеть друг друга в зеркалах и окнах.

Этот мир поделен с помощью линейки
на квадраты, заключенные в кольцо.
Только рельсы разбитной узкоколейки
метят шрамами его бескровное лицо.

На дорогах серых пятна маек и рубаш —
паруса на шляпках в круговерти ветра.
Ну а что же слезы, слезы на щеках?
Это дождь разлук смывает километры.

И летят по небу стаи сизых голубей —
может голуби, а может, это чьи-то души
с высоты глядят на струны улиц и аллей,
осенняя крыльями кусок намокшей суши.
Город пишет романс неустанно,
площадей разложив нотный стан,
и мелодия льется, звучит непрестанно —
недопетая песня полуденных стран.

«Как страшно быть и не тужить...»

Как страшно быть и не тужить,
когда февраль кружит снега
и эту правильную жизнь
уносит ветер, а родные берега
все дальше в море уплывают.
Стальные цепи обрывают якоря
и маяки внезапно разом угасают,
вдруг осознав – нужна заря
для тех, кто сколотив плоты,
растерянно по сторонам взирают
и слышат, как полночные киты
натужно дышат и во сне вздыхают.
Нужна заря в два края неба
и хоть какие-то песочные часы
для тех, кто в зимнем море не был
и жизнь шутя поставил на весы.
Как страшно ниоткуда плыть
и видеть только клочья парусов,
и даже имя потерять, и позабыть
вкус поцелуя, запах нежных слов.
Быть стружкой дыма в темноте,
цветком в нейтральной полосе,
рекой, текущей в вечной мерзлоте,
безумной белкой в этом колесе...

Как страшно видеть опустевшие дома,
глаза оставленных и брошенных детей,
как в пепел превращаются тома
и плачут души не родившихся идей.
Но нужно жить, особенно тогда,
когда погасло солнце на закате дней,
когда исчезли под водою города
и каждый стал ненужный и ничей.
Так надо верить, что закончится зима
и будет детский смех за каждой дверью,
исчезнет, наконец, последняя тюрьма.
Так хочется любить, надеяться и верить.

По ту сторону снов

I

Ветер гнал седые клочья
в небе хмуром ноября,
расставляя многоточья
на листках календаря.

Под его шальную песню
падал я в тревожный сон,
сквозь седьмое поднебесье
в относительность времен.

И размытые границы
пропускали без препон
тел прозрачных вереницы
через призрачный кордон.

Чётки галок вдоль дороги,
хмуро утро, чёрен лес.
Омывает душам ноги
старец у ворот небес.

Льдинки слов его слетают,
губы снегом серебря,
в небо цвета серой стали,

в безнадёжность ноября...

II

Странный старец шептал
беспрестанно,
и был наг и убог перед ним
человек.

Мне казался всевидяще-
страшным
взгляд сквозь кожу
опущенных век.

Он твердил мне, что в шаге
от вечного света,
не входя во владенья
полуночной тьмы,
я смогу прочесть на
скрижалях ответы,
Если только пойду по
дороге сквозь сны.

Чья-то жизнь проносилась
галопом
в силуэтах теней на
фасадах домов,
утопала в последнем
вселенском потоке,
на плоту уплывала из
южных портов.

Уносилась куда-то шальная

комета,
распушив от испуга свой
хвост на ветру.

Пьяный мим в красно-
черных штиблетах
поджигал шапито, не
придясь ко двору.

Сотни масок, как осенью
птицы,
улетали на призрачно-
пряничный юг,
но смотрели назад их
пустые глазницы,
обещая вернуться на
родину выюг.

III

Где-то там вдалеке, на
границе тумана,
пел свою песню
заснеженный волк:

Правды нет и нет обмана,
и слова легки, как шелк.
Будет скатертью дорога
к дому сбывшейся мечты,
Где склонились у порога
снежно-белые цветы.
Позабудь узду и стремя —

прыгай вниз, на облака.
Крылья дарует паденье —
падай вниз, на облака...

IV

Я проснулся идущим меж
стен по канату,
амплитуде его подчинив
рук размах.
Можно только вперед,
нет дороги обратно —
справа жар и сиянье,
слева холод и страх.
Раз за разом, стгорая
в пылающем свете,
застывая горгульей
в объятиях льда,
я иду в те места
этой странной планеты,
где обратно на небо
струится вода.

V

Ночь уходит, захлопнув
незримые двери.
Ночь уходит в паренье, во
тьму пустоты,
где на пыльных дорогах
считают потери

стражи алой зари и
полночной звезды.
Просыпаются звуки в
чертоге осеннем
и разлито вокруг
обещанье чудес,
и опять под моими
ногами ступени,
уходящие вверх, в
беспредельность небес.

«Есть предельная масса несказанных слов...»

Есть предельная масса несказанных слов,
ненаписанных писем, непролитых слёз,
что смывают бесследно основы основ
и глядят на тебя сквозь припухшесть желёз.

Есть предел, за которым цветок, увядая, поник.
Нет дороге конца, лишь в начале пути
тишина порождает сквозь боль чей-то крик.
Пожелай ему птицею вверх – не ползти.
Пожелай ему сотни дорог и бесценных даров,
пусть немного, но верных и добрых друзей,
много писем и сказанных вовремя слов
на облитых росой дорожках аллей.

«Высыхает Эвксинский Понт...»

Высыхает Эвксинский Понт
и сгорает в небе звезда.
Под дождем нежит спину зонт,
превращается в лёд вода.
Станет кипой бумаги бор,
никогда не увидит птиц юг.
Будет ветер гнать волны и сор,
и не будет на севере выюг...
Не исчезнет ни зависть, ни лесть
пока жив хоть один человек —
там где подлость его, там и честь,
и любовь скоротает с ним век.

«Вдруг стало меньше слов и света...»

Вдруг стало меньше слов и света,
когда в бездушности своей бегущая строка
сказала мимоходом об убытии поэта
и что-то смутное про грош и лодку старика.
Я не сужу, чтобы не быть судимым:
у каждого свой путь, своя судьба.
Как много тех, не долетевших и недолюбимых,
чья жизнь – лампада на ветру и вечная мольба
о мире для души в периметре Земли,
и толике тепла в безмолвном одиночестве квартиры;
о мужестве для тех, кто на мели
латает клочья парусов в прицеле канониров.
Мир вам, ушедшим за завесу пепла,
ступившим в воды сумрачной реки,
Всем тем, чьи крылья изломали ветры
в тот миг, когда вы были к небесам близки.

«Полночный шорох во дворах...»

Полночный шорох во дворах
на мысль наводит о метели,
но это листья облетели на дубах
и стали мягкой декабрю постелью.
Какие встречи, мысли о друзьях,
сокрытом в календарь веселье,
когда исчезло золото в ветвях
и сквозняки по-зимнему запели?
Какие вечера при тающих свечах,
соперницах бездушного вольфрама,
когда зима у осени в глазах
и первый иней в уголке оконной рамы?
А где-то высоко, в свинцовых облаках,
из башни белой вниз струится пенье,
но каждый шаг наверх приносит страх
и имена друзей стирает со ступеней.

«Страшно, когда в доме кончились свечи...»

Страшно, когда в доме кончились свечи,
темнота захватила кварталы в свой плен.
Страшно, если выходишь из дома под вечер,
а за дверью провалы разомкнутых стен.

Страшно в отчаяньи, когда слово сорвалось
и камнем стремительно бросилось ввысь.
Страшно ждать его возвращения – ведь казалось,
не будет отмщением неизбежность падения вниз.

Страшно верить в несбыточность чуда
и в конечность всего, в том числе и себя.
Страшно видеть движение лиц в амплитуде,
отлетающих прочь, никого и ничто не любя.

«Погрузи меня в эту ночь...»

Погрузи меня в эту ночь,
раствори во мне лунный свет.
Если хочешь мне как-то помочь,
позабудь слово твёрдое «нет».

Подыши на мороз в стекле,
путь открой движению вод.
Отыщи след огня в золе
и свечами согрей киот.

Прочитай мне мои слова —
я сказал их в душе, но не смел
превратить тишину в кружева,
вместо литер нажав на пробел.

Подними меня над землей,
пронеси через ночь и рассвет
в город, вымытый свежей росой,
одаренный неспешностью лет.

«Десять тысяч шагов...»

Десять тысяч шагов:
от вечерней зари до рассвета.
Ни темниц, ни оков —
просто поиск ответов

На открытых просторах,
в проулках, в глуши,
в вопросительных взорах
заблудшей души.

Десять тысяч шагов
как повинность и данность:
в череде катастроф
мы рожаем гуманность

и шагая во тьме от стены до стены,
от надежды окна до безумья порога,
в чувстве вечной неясной вины
ощущаем присутствие Бога.

«Вплавляет в лёд отмерший эпителий...»

Вплавляет в лёд отмерший эпителий
погибший лист в крутом пике.
На звездах без остатка выгорает гелий
и линии судьбу пророчат на руке.
Всё также кто-то двигает полки —
штурмует стёкла многокрылый легион
и яркий свет вольфрамовой дуги
их манит обещанием тепла — таков закон.
Квадрат окна дробится на осколки
и превращается в призывный круг,
а сквозняки уносят недомолвки,
возникшие не сразу и не вдруг.
Который год лежат на площадях снега,
а у пределов их, как на границах смысла
весенняя течет вода, и тают ледяные берега;
идут назад часы и прожитые числа.

«Это грустно, порой НЕВЫНОСИМО —...»

Это грустно, порой невыносимо —
перечитывать летопись собственных лет,
вновь смотреть на свои Хиросимы,
как редактор на строки вчерашних газет;
видеть, как время увязло в границе
между сейчас и застывшим вчера —
след от крыла в небе канувшей птицы,
слов пустота, словно росчерк пера.

«Город небо пронзает башнями...»

Город небо пронзает башнями
и фальшивой готики шпилями.
Нас потоки несут бесшабашные
к берегам, размытым ливнями.

Всё пройдёт, отболит и изменится,
говорят, продлевая надежде года —
этой времени спутницы-пленницы,
обрученной с людьми навсегда.

Мы, надеясь войти в реку вечности,
выплываем внезапно в море вины,
и пьянем от нашей беспечности
на краю и себя, и приливной волны.

Что нам толку от слов и пророчеств:
этот день бы прожив, убежать
от себя, от толпы в одиночество —
обо всех позабыть, и ключи потерять.

Дело даже не в башнях и готике:
вдруг исчезла в тумане искомая истина,
нет капитанов на брошенных мостиках.
Это мир наш — «Титаник» на пристани.

«Где-то плачет скорбная виола...»

Где-то плачет скорбная виола
вместе с нами, вместо нас —
где-то умер вновь Савонарола
по весне в недобрый час.

Непривычно головы свобода
кружит, словно майская метель,
как ундина нежно тянет в воду,
в омота холодную постель.

Нет закона, нет запретов
и шансон гуляет во дворах,
но ночами за плечом поэта
на краю постели дремлет страх.

В монастырь на покаянье,
в тягость долгих вечеров
не ссылают больше окаянных
возмутителей порядка и умов.

Не сожжен и не повешен —
новым узникам души покой
предписали монотонные депешы,
запечатав губы немотой.

Где-то плачет скорбная виола
по весне в недобрый час —
где-то умер вновь Савонарола,
молча живший годы среди нас.

«Стеклянные мосты пугают пешехода...»

Стеклянные мосты пугают пешехода,
связав два края света в темноте,
где страха рождена природа
биением крыла по вечной пустоте.

По ним идти возможно только раз:
скользя и падая – годами, месяцами.
Всё ближе берег тот от притяженья глаз
и глубже бездна под алмазными ногами.

А где-то в вышине, спасаясь от зимы,
в осеннем пламени сгорают корабли
и чьи-то мысли мимо света, мимо тьмы
так жаждут лета и стаканчика шабли.

И кто-то рядом, не дожив и до весны,
раскинув руки, падает не в бездну, в реки,
где годы исчезают призраком блесны
и вечность гладит памяти разомкнутые веки.

Стеклянные мосты так часто, мимоходом,
уносит время, боль, дыхание войны
и дымка памяти на месте перехода,

как пена опадая, тает на краю волны.

«Все так сложно и просто привычно...»

Все так сложно и просто привычно
видеть то, что нельзя изменить:
день прошедший и вечный обычай
на своих и чужих этот мир поделить.

Я подстрочную правду в кармане,
словно шило, таю от других и себя,
и обычные будни, как тени в тумане,
пропадают во мне в эти дни января.

Мысли кошками выгнули спины —
ни погладить, ни на руки взять —
и умчались под шум камышинный
где-томышь на обед добывать.

Вот так просто, обыденно, точно
мир меняется сам и помимо меня,
и теряет себя поминутно, построчно
в утро вновь наступившего дня.

Папа

В латаной кофте отца,
пропахшей табаком и индийским чаем,
больше правды, чем в залах дворца,
и печали, чем в криках потерянных чаек.

Ты любил и молчал, гладил сердца рубцы
по ночам у окна, приоткрытого в вечность.
Своей нежностью тайной, как могут отцы,
нас с тобой укрывал, счастливо-беспечных.
Между небом в клубах ароматного дыма
и землей, как основы натруженных ног,
шаг один и года за спиной пилигрима —
ровно столько пути, сколько вынести смог.

Сколько сказано слов: по ночам, в тишине;
в задумчивом застолье, на улице зимней,
столько лет и дорог в этой светлой стране,
но не здесь и сейчас, и не в прожитой жизни.

«Недолюбившие друг друга дети и отцы...»

Недолюбившие друг друга дети и отцы
не ходят в гости, смотрят пепельные сны,
где снег и вьюга, и замерзшие птенцы
не доживают до обещанной весны;
где в плен морской попали города
и рыбьим жиром заправляют фонари;
где слово «нет» привычней слова «да»
и только в книгах описание зари.

Улетай в небо высокое, снежное, белое
птицей легкой и светлой поры.
Всем, кто несет свои чувства незрелые,
ты разжигай из любви на дорогах костры.

Все, потерявшие веру и даже любовь,
на поиски надежды снаряжают корабли.
Они готовы лить свою и чью-то кровь
на всех морях и на полях неведомой земли,
Где это чувство сохранили в сердце гор
все те, кто изгнан был и миром позабыт,
кто верит в чудо неизменно, до сих пор,
своей любовью и свободой дорожит.

Улетай в небо высокое, снежное, белое
птицей легкой и светлой поры.

Всем, кто несет свои чувства незрелые,
ты разжигай из любви на дорогах костры.

«Я, как флюгер на Памире...»

Я, как флюгер на Памире,
оторвался и пропал
В этом снежно-белом мире,
что мерцает, как опал.
Пролетая сквозь перины
влажно-нежных облаков,
где танцуют балерины
вальс потерянных цветов,
я молчал, тая дыханье,
и смотрел во все глаза,
как небесные созданья
улетают прочь в слезах.
Я их понял много позже,
протерев себя от сна:
этот мир – улыбка Божья,
что в слезу заключена.

«Ниже неба в шляпах головы...»

Ниже неба в шляпах головы
выдыхают дым ментоловый.
Белоснежные манжеты
глядят тело под жилетом,
проникают прямо в душу:
«Мы покой ваш не нарушим», —
говорят. Но все активнойй
руки в пятнах никотина
машут стайкам чых-то деток,
Продают зимою лето.
Ниже только пол асфальта,
а в глазах застыла смальта.
На полтакта стук мотора,
шорох шин разбитой «скорой».
Стоп, шаги. Заткните речи.
На асфальте тают свечи,
две гвоздики греют лёд.
Где-то рядом жизнь идёт.
Ниже неба в шляпах головы
по глаза залиты оловом.

«Адреналин пузырьками под кожей —...»

Адреналин пузырьками под кожей —
это чувство ни на что не похоже.
Эти руки хотят быть крылаты,
только тело из плюша и ваты.
Наплевать всем солдатам на приказы
и жезлы. Лучше дом и рассказы
о расстрелянных нервах,
о предательстве первых,
не успевших на север убраться,
не сумевших со всеми бежать и бояться.
Это братство уже ни на что не похоже —
адреналин разорвался под кожей.

«Я не чувствовал рук, я не чувствовал ног...»

Я не чувствовал рук, я не чувствовал ног.
Я бежал бы, наверное, если бы мог.
Был живым только взгляд изнутри головы —
даже нем был язык, даже мысли мертвы.
А вокруг плотным облаком серая мгла,
где вся масса миров, все слова без числа,
словно пресс, выжимали из тела меня,
будто дым и зола тянут жизнь из огня.
И в тот миг понимая, что это конец,
что так выглядит страха колючий венец,
я поплыл, оттолкнувшись от холода дна,
и счастливо вздохнул на поверхности сна.

«Громче нет иногда шёпота...»

Громче нет иногда шёпота,
нет страшнее порой тишины,
где несутся кони без топота
в черно-белой палитре весны.
Нет такой полноты одиночества,
как в толпе равнодушных людей.
Нет пророка без искры пророчества

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.